

р. 183) — означает, что город Константина по промыслу божьему вновь стал подвластным царю ромеев.

Основная идея первой части книги — усиление конституционной роли патриарха и церкви (стр. 167): Рейбо прослеживает, как патриарх играет все большую роль в коронации государя, как патриарх принимает активное участие в регентском совете, как синклит сростается не только с придворной, но и с духовной иерархией (стр. 127). В этих рассуждениях много верного: действительно, монастырская собственность составляла важный элемент экономики Византии XIII—XIV вв., хотя, вероятно, и не «единственный настоящий», как пишет Рейбо (стр. 109); любопытно наблюдение Рейбо над тем, что патриарх Афанасий II ставит клириков во главе общественной иерархии (стр. 15). Это наблюдение, кстати сказать, стало бы еще более выразительным, если его сопоставить с замечаниями Г.-Г. Бека, подчеркнувшего относительно незначительность социальной роли клира в XI в.² И все-таки некоторые ограничения в концепцию Рейбо следует внести.

Во-первых, весь материал второй части книги противоречит этой концепции. Из нее никак не следует, что духовенство играло сколько-нибудь существенную роль в государственном аппарате. Так, из интересной таблицы на стр. 221 отчетливо видно, сколь незначительной была роль клира в византийской дипломатии: из 18 посольств за рубеж только в трех участвовали духовные лица.

Во-вторых, истолкование фактов в пользу концепции Рейбо подчас имеет несколько натянутый характер. Так, он придает большое значение тому обстоятельству, что античный обычай провозглашать императором, поднимая на щит, имел в XIII—XIV вв. ограниченное значение (стр. 49—51): Рейбо считает, что в этом проявилось усиление религиозного аспекта коронации. Но как раз изучение этой процедуры должно было бы привести к противоположному выводу: поднятие на щит появляется в Византии сравнительно поздно, только к XIII в.³ что свидетельствует скорее о нарастании светских моментов, чем об их ослаблении.

Мне кажется, что Рейбо вообще напрасно старается определить «конституционные» черты византийского самодержавия: при всей своей внешней формализованности, оно было принципиально неконституционным. Императором можно было стать через поднятие на щит, обувание пурпурных сапожек, коронацию, помазание — но ни один из этих обрядов не был обязательным.

Во второй части книги, посвященной чиновничеству, привлекает внимание интерес Рейбо к социальной природе византийской знати. Он, в частности, использует с этой целью просопографические материалы, устанавливая своего рода «фамильные биографии» Асений, Тарханиотов, Хумнов и Торников⁴; показательно в этой связи сопоставление административной карьеры «нового человека» Апокавка с представителями родовитой знати.

Но особенно существенной кажется мне та черта византийской администрации, которую Рейбо отмечает от случая к случаю, хотя и несколько робко: отсутствие четкого разделения функций в государственном аппарате, зависимость этих функций не от должностного, а от личного фактора. Это отмечалось применительно к статусу месадона, руководителя центральной администрации, которым могли быть чиновники, занимавшие самые разные посты⁵, — Рейбо прослеживает подобную нестабильность в организации различных административных ведомств. Эта административная нестабильность, кстати сказать, хорошо коррелирует с неконституционностью в конструкции византийской монархии.

A. K.

H. H U N G E R. JOHANNES CHORTASMENOS
(CA. 1370—CA. 1436/37). BRIEFE, GEDICHTE
UND KLEINE SCHRIFTEN
(«Wiener byzantinische Studien», Bd. VII).
Wien, 1969, S. 256+8 Taf.

Иоанн Хортасмен, в монашестве Игнатий, — поздневизантийский ученый, преподаватель, писатель и книголюб — еще сравнительно недавно оставался совершенно неизвестным. К. Крумбахер, посвятивший ему всего три строчки, не знал даже вре-

² H. G. Beck. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz. — *REB*, 24, 1966, S. 1.

³ См. G. Ostrogorsky. Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im spätbyzantinischen Krönungszereemoniell. — *Historia*, 4, 1955, H. 2/3, S. 254 f. К приведенным Г. А. Острогорским фактам можно было бы прибавить еще два-три случая поднятия на щит узурпаторов, но не ранее XI в.

⁴ О Торниках см.: G. Schmalzbauer. Die Tornikioi in der Palaiologenzeit. — *JÖB*, 18, 1969.

⁵ О месадоне, помимо указанных Рейбо статей Бека и Верпо, см. еще: R.-J. Loenertz. Le chancelier impérial à Byzance au XIIIe et au XIVe siècle. — *Or. Chr. Per.*, 26, 1960 (теперь включено в сб.: R.-J. Loenertz. Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970, p. 441—465).

мени жизни Хортасмена¹. Лишь с конца 20-х годов фигура Иоанна Хортасмена стала постепенно вырисовываться благодаря наблюдениям Л. Пети, Дж. Меркати и Р. И. Лэперца, а исследование его автографа, *Vindob. Suppl. gr. 75*, дало возможность составить более или менее ясное представление о его жизни и деятельности².

В рецензируемой книге Г. Хунгер издает текст автографа Хортасмена (стр. 138—242), включающий речи, письма, стихотворения и заметки. Изданию предпосланы биография Хортасмена, характеристика его сочинений и взглядов, описание связанных с ним рукописей (прежде всего *Vindob. Suppl. gr. 75*), а также краткое изложение содержания публикуемых сочинений с просопографическим комментарием.

Иоанн Хортасмен не принадлежал к числу выдающихся деятелей поздневизантийской культуры, и, кстати сказать, издатель не стремится ни в какой степени приукрасить своего героя. Он — «типичный представитель многочисленных византийских интеллигентов, внесших свой честный вклад в сохранение культурного наследия античности» (стр. 7). Отмечу попутно тот интерес к «среднему человеку», к «типичному представителю», который все больше распространяется в современном византиноведении, и Хунгер, как я уже имел возможность отметить (*ВВ*, XXVIII, 1968, стр. 298—300), давно уже проявляет пристальное внимание к общераспространенным клише и формулам, типичным словосочетаниям, выразившим массовые идеи, так сказать, византийскую общественную психологию.

И все-таки Иоанн Хортасмен не просто «средний интеллигент». Учитель таких крупных и таких разных византийских идеологов, как Виссарион, Марк Евгеник и Георгий Схоларий, он уже в силу этого заслужил право на специальное внимание. К тому же Хортасмен — один из поздневизантийских книголюбов: сохранились переписанные им рукописи, манускрипты с его пометами [очень любопытны его маргинальные заметки на сборнике исторических сочинений *Vatic. gr. 163*: lamentация в связи с блокадой Константинополя турками в 1394—1402 г. (стр. 16), впечатления от некоторых абзацев Никиты Хониата (стр. 20)], рукописи, входившие в его библиотеку. Состав библиотеки Хортасмена, где были представлены античные и византийские ораторы, историки, эпистографы, философы, математики, астрономы, а также богословские сочинения и переписанные Хортасменом минеи (стр. 27; ср. стр. 51—53), сам по себе существен для характеристики культурных интересов византийской интеллигенции на рубеже XIV и XV вв.

Жизненный путь Хортасмена Хунгер восстанавливает по разнообразным случайным заметкам на его рукописях, в титулах его сочинений и у современных ему писателей. Иоанн Хортасмен родился около 1370 г., примерно с 1390 г. был нотарием патриаршей канцелярии. В 1397—1400 гг. он изучал геометрию под руководством Михаила Вальсамона, а затем сам был учителем и переписчиком книг. Между 1415 и 1430 гг. стал митрополитом Селимврии. Он умер около 1436/7 г. (стр. 14—19).

Ни взгляды, ни художественные приемы Хортасмена не отличаются оригинальностью. Его переписка, в частности, в полной мере соответствует традициям византийской эпистографии с ее деконкретизацией предмета и культом абстрактной дружбы (стр. 35). Реальное содержание сочинений Хортасмена довольно скудно. Хунгер — и это тоже весьма показательно для тенденций современного византиноведения — посвящает специальную главу социальной характеристике общества по данным Хортасмена (стр. 44—48), но характеристика эта остается схематичной: Хунгер выделяет магнатов (типа Кантакузинов и Асений), высшее чиновничество (архонтов), средний класс и бедняков, куда зачисляет интеллигенцию, крестьян и ремесленников, подчеркивая, впрочем, презрительное отношение интеллигента Хортасмена к необразованным труженикам. Насколько эти грани условны, позволяет судить один пример: Вриенний Леондарь, *κεφαλῆ* Константинополя, которого Хунгер причисляет к разряду архонтов (стр. 45), принадлежал к одной из знатнейших фамилий империи, давшей ряд полководцев, дипломатов и наместников первой половины XV в. (см. стр. 127—129).

Кое-какой материал из сочинений Хортасмена можно почерпнуть для характеристики культурной жизни империи: еще при Мануиле II сохранялся старый обычай устраивать публичное чтение художественных писем, обсуждая их достоинства и недостатки (стр. 36 и сл.).

Письма, речи и стихотворения Хортасмена содержат, наконец, некоторые данные по поздневизантийской просопографии: в них упоминаются как хорошо известные персонажи византийской политической и культурной истории (Иосиф Вриенний, Михаил Вальсамон, Дмитрий Хрисолор и др.), так и лица, оставшиеся до сих пор в тени (Феодор Антиохит — воспитатель Иоанна VIII, примякирий Дмитрий Аинарь и многие другие). Тщательно составленный просопографический комментарий позволяет

¹ К. *Krumbacher*. *Geschichte der byzantinischen Literatur*. München, 1897, S. 452.

² H. *Hunger*. *Iohannes Chortasmenos, ein byzantinischer Intellektueller des späten Palaiologenzeit*. — *Wiener Studien*, 70, 1957, S. 153—163; *idem*. *Zeitgeschichte in der Rhetorik des sterbenden Byzanz*. — *Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas*, 3, 1959, S. 152—164; *idem*. *Allzumenschliches aus dem Privatleben eines Byzantiners — Tagebuchnotizen des Hypochonders Johannes Chortasmenos*. — *Polychronion. Festschrift F. Dölger*. Heidelberg, 1966, S. 244—252.

уточнить наши представления о жизни и родственных связях ряда поздневизантийских вельмож. Особенно отмечу в этой связи экскурс Хунгера о Феодорах и Георгии Кантакузинах (стр. 104—108), где расширены и исправлены данные, содержащиеся в монографии Д. Найкола³. В некоторых случаях Хунгер выходит за пределы поздневизантийской просопографии и сообщает данные об истории тех или иных фамилий в более ранние столетия: к сожалению, эти данные обычно неполны и даже неточны. Так, он считает автором «Стратегикона» полководца Катакалона Кекавмена (стр. 73), что крайне сомнительно; сведения об Антиохитах (стр. 67 и сл.) и Пепагоменах (стр. 114) могли бы быть более подробными.

А. К.

**SUSSIDI BIBLIOGRAFICI PER I MANOSCRITTI GRECI DELLA
BIBLIOTECA VATICANA, A CURA DI PAUL CANART
E VITTORIO PERI.**

Сittà del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana,
1970 («Studi e Testi», 261), XV+709 p.

Библиография рукописи является важной составной частью научного каталога рукописей; она не только позволяет судить о степени изученности отдельных единиц хранения и целых рукописных фондов, но прежде всего значительно облегчает работу исследователя, избавляя его от нелегких поисков нужных сведений в бесконечном количестве специальных справочников и изданий. Если до недавнего времени библиография греческих рукописей содержалась только в некоторых — исследовательских, предполагающих не простое описание внешних признаков, но всестороннее изучение рукописи, — каталогах, да иногда в альбомах факсимильных воспроизведений манускриптов или исследованиях по истории текста отдельных авторов, то хранители греческих рукописей Ватиканской библиотеки Поль Канар и Витторио Пери создали справочник нового типа, объединив библиографические сведения о греческих рукописях всех фондов этого крупнейшего мирового собрания в одном томе.

Такие книги не создаются за несколько лет. Нужны десятилетия непрерывной работы по систематическому учету книг, статей, рецензий, где в той или иной мере используются рукописи данного хранилища.

Собирание библиографических сведений о греческих рукописях Ватиканской библиотеки было начато выдающимся исследователем греческой рукописной книги Д. Меркати и продолжено Р. Деврессом, Ч. Джаннелли, П. Канаром. Изданием рецензируемого справочника П. Канар и В. Пери сделали доступными всем специалистам богатства библиографической картотеки, задуманной когда-то просто как вспомогательный аппарат для работы ватиканских хранителей манускриптов.

Вслед за кратким «Представлением» префекта библиотеки А. Раса (A. Raes) идет «Введение», посвященное изложению цели, принципов и трудностей работы составителей; оно завершается очень важным перечнем печатных и рукописных каталогов и инвентарей греческих рукописей Ватиканской библиотеки, позволяющим судить о степени каталогизации греческих фондов этого хранилища.

Книга состоит из двух основных частей. В первой части (р. 1—101) в сокращенной и развернутой форме приведены названия 1) книг, 2) журналов и 3) коллективных и анонимных трудов, ссылки на которые (в сокращенном виде) даются во второй части (р. 103—708), заключающей в себе библиографию греческих рукописей следующих фондов Ватиканской библиотеки:

1. Codici greci dell'Archivio di s. Pietro (приведена библиография 10 рукописей);	6. Codici Palatini greci (426);
2. Codici Barberiniani greci (483);	7. Codici greci di Pio II (51);
3. Codici Borgiani greci (23);	8. Codici Reginensi greci (189);
4. Codici Chigiani greci (52);	9. Codici Rossiani greci (34);
5. Codici Ottoboniani greci (422);	10. Codici Urbinati greci (159);
	11. Codici Vaticani greci (2341).

В разделе, посвященном каждому фонду, указаны печатные (а для фондов 2 и 11 — и рукописные) описания его манускриптов; для фондов 2, 3, 4 и 9 публикуются таблицы конкорданций прежних и действующих в настоящее время номеров рукописей.

Очень интересны приведенные нами в скобках цифры охваченных библиографией рукописей; при сопоставлении их с общим количеством греческих манускриптов каждого фонда (ниже — правый столбец) становится очевидной необыкновенно высокая степень изученности рукописей Ватиканской библиотеки:

1. 10—14	5. 422—473	9. 34—47
2. 483—598	6. 426—432	10. 159—165
3. 23—27	7. 51—55	11. 2341—2632
4. 52—54	8. 189—190	

Греческая кодикология обогатилась еще одним важнейшим «инструментом» для исследования рукописей.

Б. Ф.

³ D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakuzenos (Cantacuzenus). Ca. 1100—1460. Washington, 1968, p. 165—167.